

О. В. Чумичева

СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ
КАК СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА
НОВОМУ ИЕРУСАЛИМУ ПАТРИАРХА НИКОНА

Исследователи не раз отмечали тот странный факт, что в 1666 г. с одинаковыми претензиями к патриарху Никону выступили две стороны, находившиеся в острой полемике друг с другом: организаторы Большого Московского собора и защитники старой веры. Среди вопросов к митрополиту Газскому Паисию Лигариду, заданных от имени боярина С. Л. Стрешнева, а затем и на заседаниях собора, в упрек патриарху поставили строительство Нового Иерусалима. Практически одновременно некоторые старообрядцы открыто обвиняли Никона в том же. Однако причины для осуждения были разными.

Как показала И. Л. Бусева-Давыдова, греческие и отчасти русские власти были обеспокоены политическими амбициями Никона, возможным посягательством на титул «патриарха Иерусалимского», что не соответствовало устремлениям самого Никона, метившего гораздо выше — он искал аналогии с самим Христом¹. Следует отметить, что восточные иерархи воспринимали построение Воскресенского монастыря и наименование его «Новым Иерусалимом» не только как политический жест: боярин Стрешнев подчеркнул некоторую кошунственность данного символического жеста: «Доведется ли, чтобы так святого града имя было перенесено, и иному дано и опозорено?»² Этот вопрос вызвал на соборе полемику между Паисием Лигаридом и Никоном, которые по-разному понимали идею соотношения образа и первообраза, а также принципиальную возможность копирования са-

¹ Бусева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994, с. 174–181.

² Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. СПб., 1882, с. 1074.

крального объекта³. Таким образом, критика Никона на Большом Московском соборе шла по двум направлениям: незаконное посягательство на чин патриарха Иерусалимского и слишком буквальный подход к идее перенесения сакрального пространства как его максимально точного копирования.

Совсем иными были причины, побуждавшие старообрядцев негативно оценивать саму идею построения Нового Иерусалима в реальном пространстве, на земле. К сожалению, мы не располагаем развернутыми теоретическими построениями или специальными сочинениями на данную тему. Приходится восстанавливать логику рассуждений по разрозненным фрагментам.

Строительство Нового Иерусалима рассматривалось защитниками «старой веры» как свидетельство пришествия антихриста⁴. Соловецкий старец Иоаким включает этот довод в более широкий контекст темы Никон-антихрист — наравне с числовым значением имени и претензиями патриарха на слишком большую и безраздельную власть (по его мнению, Никон желает «стать папою» — значит, не просто возглавлять Церковь, но обладать полнотой духовного и светского владычества). О взглядах Иоакима мы знаем из рассказа дьякона Сильвестра на допросе в 1666 г.:⁵ «И он де Иоаким показывал ему Селивестру письмо на одном столбце, писано мелким самым писмом. А в нем написано числами 666. А выписал де он, Иоаким, то из Апокалипсиса. А толковал он, Иоаким, что бывшему патриарху Никону в мирском чину имя было Никита, а во иночестве Никон. А по-гречески де Никитиос. И в то де число то имя придет. И ему де, Никону, на Московском государстве быть папою. И побыв де он на Московском государстве папою полтора года, пойдет с Москвы во Иерусалим к жидом, потому что де он покусился в Воскресенском монастыре построить церковь Воскресения Христова. И той де церкви не состроить ему отнюдь. И пришед де во Иерусалим, учнет строить церковь, чтоб ему в том перед ними, жидами, не погрешить»⁶.

При том что представления рассказчика о политическом устройстве Святых земель и перспективах Никона весьма туманны, совершенно

³ Подробно см.: *Бусева-Давыдова И. Л.* Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона, с. 176–177.

⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования. Изд. Н. И. Субботина. Т. 7. М., 1885, с. 377, 409.

⁵ «Дело Сильвестра» было связано с острой внутренней борьбой внутри Соловецкого монастыря, проходившей на фоне церковной реформы. Оно включает в себя целый ряд вопросов, зачастую объединенных только кругом лиц. Реконструкция текста на основе сильно пострадавших документов из Приказа Тайных дел см.: *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998, с. 169–191. Анализ всех обстоятельств дела: Там же, с. 36–40.

⁶ *Чумичева О. В.* Соловецкое восстание, с. 36–37, 170.

ясно, что главная причина возмущения строительством Нового Иерусалима заключается в чрезмерных амбициях Никона, посягающего на сакральный уровень, недопустимый для обычного человека, даже для патриарха. Соловецкий старец Иоаким видит в построении «Нового Иерусалима» несомненное свидетельство того, что Никон является антихристом. А из этой предпосылки он выводит цепочку действий, которые должен совершить «нечестивый патриарх». Это рассуждение можно считать одной из первых попыток построения теории «Никон-антихрист», получившей широкое распространение в старообрядческой среде⁷. Антихрист непременно должен претендовать на роль Христа, и в этом смысле стремление Никона выстроить цепочку подобий между Иерусалимом в Палестине и его «иконой» в Московском царстве, между гробом Мельхиседека и своим будущим гробом, между Христом и собой совершенно адекватно понята людьми, существующими в пространстве средневековой традиции⁸. Патриарх Никон считал свой замысел чрезвычайно благочестивым. Если учесть существовавший веками и прекрасно известный на Руси XVI–XVII вв. контекст теории Христа как священника «по чину Мельхиседека», претензии Никона на роль едва ли не Христа выглядят весьма осознанными. Однако не следует забывать, что это не попытка «стать Христом», а символическое понимание роли патриарха, главы Церкви, как преемника Христа. И это скорее следует интерпретировать как явное католическое влияние, чем как кощунство, в котором обвиняли Никона современники. Старообрядцы рассматривали «проект» Никона в контексте православной традиции и приходили к закономерному отрицанию. У нас нет прямых оснований считать, что старообрядцы опирались при этом на мнение почитаемого ими Максима Грека, возражавшего против сравнения Москвы с Новым Иерусалимом и указывавшего на недопустимость приравнивания какого-то реального, топографически схожего или политически значимого места со священным градом, а также отрицавшего сам факт «священства Христа». Но в целом позиция старообрядцев гораздо ближе к взглядам ученого афонского монаха, чем к мировосприятию прозападного окружения Никона. И если Никон следовал скорее католической традиции топографического копирования и изображения «по

⁷ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в русском расколе в XVII в. СПб., 1898; Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

⁸ Подробнее о взглядах Никона и его собственном обосновании необходимости построения «Нового Иерусалима» см.: Бусева-Давыдова И. Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона, с. 175–177. Место захоронения для себя Никон подготовил именно там, где в иерусалимском храме Гроба Господня находится гробница Мельхиседека.

подобию», старообрядцы явно исходили из принципиального различия между Небесным Иерусалимом, реальным Иерусалимом в Палестине и его копией в Воскресенском монастыре.

Осуждение никоновского плана не означало, что сама идея Нового Иерусалима, воплощенного на земле, абсолютно чужда старообрядцам. Поборники «старой веры» столкнулись с трагической и неразрешимой проблемой: третий Рим на их глазах отступал в нечестие, вслед за Римом первым и Константинополем. Четвертого Рима быть не могло. Значит, они должны были признать полную гибель православия, носителями которого считали самих себя. В «Повести о мучении некоего старец Петра и Евдокима» упомянут все же «четвертый Рим»⁹, но у нас слишком мало данных, чтобы строить предположения о том, что стояло за этой формулой. Для большинства старообрядцев «четвертый Рим» был неприемлем. Но потребность в светлых перспективах для сообщества истинно верующих была сильна. И здесь пригодилась идея Нового Иерусалима как идеального, божественного царства, открытого для верных.

В видении соловецкого инока Ипатия, датированном летом 1667 г., возникает образ, воспринятый в последующей старообрядческой традиции: Соловки становятся последним оплотом благочестия на земле. В соответствии со всеми канонами жанра видения, Ипатий повествует о явлении «от полудня облака светла», а в нем — самого Господа «с множеством аггел». Господь обещает, что если соловецкие насельники сохраняют веру и не впадут в распри между собой, Он охранит монастырь и поставит его, «аки столп каменный посреди моря; и ничто же к нему не прикоснется зло». А потом Господь дает иноку обещание: «А за их страдание и терпение помилую их, и монастырь сей имени Моего ради святого и нареку его Новый Иеросалим»¹⁰. Этот Новый Иерусалим не является буквальным топографическим повторением палестинского города. Это символический, духовный Иерусалим «всех верных». Как известно, каждый монастырь в определенном смысле является иконой Небесного Иерусалима, образом, восходящим к первообразу Небесного Града. И выражается это в наличии обязательных «точек»: начиная от алтаря центрального храма и заканчивая священным колодезем, Святыми воротами и т. п. Символика храма/монастыря как иконы Иерусалима хорошо изучена. Но в данном случае речь о гораздо большем: Соловецкий монастырь занимает особое место среди всех христианских

⁹ Кузнецова В. С. Повесть о мучении некоего старец Петра и Евдокима // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987, с. 210, 213–214.

¹⁰ Чумичева О. В. Соловецкое восстание, с. 114–115; Чумичева О. В. Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 47, с. 290.

комплексов Руси (подразумевается: и мира), так как должен сохранить нерушимое благочестие и правую веру. Именно это делает его подобием Небесного Града.

В ходе восстания наиболее радикальная часть повстанцев пришла к полному разрыву с царем и московскими властями, заявляя: «царская земля по монастырь, а монастырь — не царская земля». Остров-крепость, возведенный на острове «во отце окяна-моря», обрел черты иного пространства, отделенного от грешного мира и духовно, и физически. Замкнутое и идеально обустроенное хозяйство, достаточная автономность существования, полнота церковной жизни позволяли насельникам воспринимать свой малый мир как «столп каменный», переходящий в сакральное пространство, где повседневно творятся чудеса, благоухают мощи, являются бесы-искусители, отгоняемые благочестивыми иноками, а запасы не оскудевают.

Соловецкий монастырь — в отличие от Воскресенского — не носил официально имени Нового Иерусалима. Его физическое подобие священному граду не превышало той меры, что существовала для любого монастыря и храма. Но именно это и делало возможным его восприятие как истинно сакрального места — не искусственного и рукотворного, а поименованного самим Богом, избранного и освященного неизбежным мученичеством.

Это был духовный Иерусалим, временно обретающий топографическую привязку на земле. Позднейшие старообрядцы, считавшие себя наследниками Соловецких отцов, подхватили эту идею. Так, Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни» говорит об ушедших из Соловецкого монастыря иноках: «яко из Иерусалима послании Духом Святым»¹¹. А Беловодье, куда якобы добрались некоторые из соловецких «выходцев», старообрядцы в устной традиции называли то Новым Иерусалимом, то Новыми Соловками, явно приравнивая эти определения друг к другу¹².

Таким образом, старообрядцы, осуждая попытку Никона воплотить Новый Иерусалим на русской земле в качестве физической модели, пришли к построению своего Иерусалима, способного предстать как реальное место — Соловецкий монастырь на острове в Белом море — или как полулегендарное Беловодье — край истинно верующих. Потому что, по существу, старообрядцы воспринимали Новый Иерусалим именно так, как трактовали понятие Церкви первые христиане и представители радикальных течений средневековья: священный град — это сообщество верующих. Где они, там и Иерусалим. И перенесение са-

¹¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 275.

¹² Чумичева О. В. Соловецкое восстание, с. 115.

крального пространства оказывается возможным не за счет формального сходства и копирования, а за счет высшей, духовной связи между источником и его земными проявлениями.

В этой оппозиции между Новым Иерусалимом Никона и Новым Иерусалимом (Новыми Соловками) старообрядцев выражается и совершенно разное понимание благочестия, и принципиально различное отношение к христианским символам и образам.

Olga Chumicheva

Research Centre for Eastern Christian Culture

SOLOVETSKY CLOISTER AS AN OLD-BELIEVERS' ALTERNATIVE
TO NEW JERUSALEM OF THE PATRIARCH NIKON

Researches have already noted a strange fact: in 1666 the similar claims to the Patriarch Nikon were formulated by two sides which were in the deep confrontation to each other — by the organizers of the Big Moscow Council and by the defenders of the “Old Faith”. In the list of questions by the Boyar Semen Luk’yanovich Streshnev to the Metropolitan of Gaza Paissiy Ligarid and then at the meeting of the council there was an accusation of the Patriarch Nikon in the constructing of the New Jerusalem Monastery. Some Old-Believers blamed Nikon for the same action. But these two sides had different reasons. Greek and partly Russian authorities were uneasy about the political ambitions of Nikon and his supposed infringement on the title of the “Patriarch of Jerusalem”, though it was not the real intention of Nikon who looked much higher — he was seeking for the analogy with Christ and not less.

The reasons of Old-Believers were quite different. They denied the very idea of the creation of New Jerusalem on the earth, in the real, common space. Unfortunately, we don't possess a long and detailed description of this theme someone from Old-Believers. But it is possible to restore their reasoning on the base of fragmentary sources.

Old-Believers interpreted the fact of the construction of New Jerusalem as a clear evidence of the actual presence of Antichrist in the world. A monk from the Solovetsky Cloister in the White Sea — Joachim — included this argument into the more broad context of the theme “Nikon-Antichrist” together with a numerical meaning of his name and excessive ambitions of the Patriarch willing for too much power — ecclesiastic and laic; the Solovetsky monk said that Nikon wanted to become the Pope which meant for Joachim and his associates not only to be the Head of the Church but also to receive a complete dominion over all the Christians.

Joachim told to Solovetsky monks and servants that Nikon would be the Pope in the Moscow state and then he would go to Jerusalem in Palestine to build a new church there. Joachim was sure that the attempt to create New Jerusalem in Russia was the first probe and after it Nikon-Antichrist would demonstrate his deep intentions to unite with Judaists and to organize an alternative Church instead of the Christian Community. But the Solovetsky monk assured his associates that Nikon wouldn't be able to finish his impious plans.

Joachim had rather rough ideas about the actual political situation in Palestine as well as about Nikon's intentions, but the main reason of his indignation was the fact that constructing New Jerusalem on the earth Nikon infringed on the rights not available for a human being — on the role of Christ. And in this context we should resume that people of medieval mentality (Old-Believers) were able to catch the very sense of Nikon's desires (his aim to built a chain of associations between Jerusalem and its model by Moscow, the tomb of Melchizedek and Nikon's future tomb, between Christ and the Patriarch). The Patriarch Nikon considered his work over the New Jerusalem Monastery as a pious act of the imitation of holy places. Old-Believers kept the long-lasting tradition of perception of sacred places as not man-made ones. There is no direct evidence that Old-Believers based on the opinion of the respected monk of the 16th century — Maxim the Greek who was against the presentation of Moscow as New Jerusalem and insisted that a real, physical place on the earth can't be put in the place of any sacred spot. But the sense of their reasoning was equal.

The denying of the Nikon's plan to built New Jerusalem, however, didn't mean that the idea of New Jerusalem was alien for Old-Believers. The defenders of the "Old Faith" were face to face with a tragic problem: the Third Rome was going to the abyss of impiousness, it was doomed to the final death as it had happened with the Rome and Constantinople; but the fourth Rome couldn't exist in principle. But such a strong and living community as Old-Believers had to find some bright and radiant perspectives for the future even in the moment of eschatological pessimism. And it was the idea of New Jerusalem as an ideal sacred kingdom between the earth and the Heavens opened for all the pious people which came to their help.

In summer of 1667, just before the beginning of the open uprising of the Solovetsky Cloister against the Moscow tsar and the "Nikonian Church", in the visions of another Solovetsky monk — Hipatiy — a new image appeared. It was later received by the broad circles of Old-Believers and kept even in the 20th century. The Solovetsky Cloister became the last stronghold of the True Faith on the earth. According all the rules of the genre, there were apparitions of black and fair forces which has shown the threat and the way of salvation. The God Himself talked with Hipatiy and promised him

that the Solovetsky Cloister would be protected till its dwellers would keep peace and resignation inside their monastery. And the Solovetsky Cloister would stand as a stone fort in the centre of the sea and the evil wouldn't touch it. And because of the sufferings and the patience of its dwellers the God promised to call the monastery New Jerusalem.

During the eight-years long uprising the defenders of the "Old Faith" were coming, step by step, to a complete breaking-off the relations with the tsar. They proclaimed the Solovetsky Archipelago not the tsar's territory. The island and the fortress on it became a bridge between the real world and the heavens. Physical world with the mighty stone walls of the monastery, with constant supply of products by the local population living on the coast of the White Sea were only one side of the trust of the dwellers of their safety. The monastery became a special place where wonders happened constantly, where relics were scented and saints visited the earth, where demons tried to tempt monks in vain. This New Jerusalem was not constructed by a human intention. It was a place chosen by the God. And people had the main duty: to show the best correlation to this level.

The Solovetsky Cloister wasn't renamed into New Jerusalem by men. He was not more similar to the Palestine topography than any other Christian monastery. And these were real base to believe that it is a really sacred place — not man-made and not connected with impious ambitions. And the martyrdom of its dwellers was a part of the ritual — an inevitable way to the final salvation.

Later Old-Believers received this idea and developed it. Ivan Filippov said that persons went from the Solovetsky Cloister to the sinful world were sent from "Jerusalem by the Holy Spirit" to bring the true faith to people outside the stronghold. And in the Altay Region, in Belovodie, where the Solovetsky dwellers as if has come to, Old-Believers kept a tradition to call their own land (independent from authorities) either New Solovki or New Jerusalem equating these concepts. This tradition was registered even in the end of the 20th century.

It is clear that Old-Believers perceived the idea of New Jerusalem in a way it was interpreted by the first Christians and members of radical medieval movements: the sacred city was a community of true believers associated with a place chosen by the God. Where they are — there is Jerusalem. And their duty is to fulfill all the ceremonies and rituals to keep the bridge between the earth and the Heavens open for human beings longing for the salvation. And in this conception there is a principal difference in understanding of the pious act and in perceiving of the Christian symbols and images — as man-made objects which can be copied or as a part of the real sacred world connected with the heavens through unbroken and continuous service to the God.